

УДК 911.375:314.116:
711.42

Прегледни чланак

Review article

Николай А. Слука

ПРОБЛЕМЫ РЕВИТАЛИЗАЦИИ ВЕДУЩИХ ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ

Резюме: В последние десятилетия повышенный научный интерес вызывает развитие городских формаций в контексте стремительного хода общепланетарных процессов. В условиях глобализации и транснационализации все больший вес в мировой системе приобретают так называемые глобальные города, формирующиеся как важнейшие узловые точки мирохозяйственных связей и международных отношений. Автор рассматривает демографические проблемы глобальных городов первого порядка, которые представляют высший «командный состав» в единой транснациональной урбанистической системы мира (Лондон, Нью-Йорк, Париж и Токио), второго порядка (Сянган, Сингапур, Лос-Анджелес, Чикаго, Милан, Франкфурт-на-Майне) и третьего порядка (Мадрид, Сан-Паулу, Вена, Брюссель, Сеул, Москва и некоторые другие).

Ключевые слова: глобальные города, демографический переход, рождаемость, смертность, естественный прирост населения

Извод: Последњих деценија повећан научни интерес изазива развој градских формација у контексту убрзаног тока глобалних процеса. У условима глобализације и транснационализације све већу тежину у светском систему добијају такозвани глобални градови, који се формирају као најважнија чворишта светских економских веза и међународних односа. Аутор разматра специфичне демографске проблеме глобалних градова првог реда, који представљају виши „командни састав“ у јединственом транснационалном урбанистичком систему света (Лондон, Њу Јорк, Париз и Токио), затим другог реда (Хонгконг, Сингапур, Лос Анђелес, Чикаго, Милано, Франкфурт на Мајни) и трећег реда (Мадрид, Сао Пауло, Беч, Брисел, Сеул, Москва и неки други).

Кључне речи: глобални градови, демографска транзиција, наталитет, морталитет, природни прираштај

Введение

В последние десятилетия повышенный научный интерес вызывает развитие городских формаций в контексте стремительного хода общепланетарных процессов. В условиях глобализации и транснационализации все больший вес в мировой системе приобретают так называемые глобальные города, формирующиеся как важнейшие

узловые точки мирохозяйственных связей и международных отношений. Они представляют собой центры местонахождения штаб-квартир крупнейших ТНК и ТНБ, промышленно-финансовых групп, а также специализированных фирм в области деловых услуг, которые ныне влияют на развитие хозяйства намного больше, чем чисто промышленно-производственные структуры. Они – центры производства и генерирования инноваций в пропульсивных видах хозяйственной деятельности; ключевые "игроки" практически на всех мировых рынках и т.д. Нарастание интенсивности и комплексности взаимодействия глобальных городов привело к возникновению совершенно особого образования – единой транснациональной урбанистической системы мира, которую возглавляет ограниченное число центров (Слука, 2005; Грчић, Слука, 2006; Grčić et al., 2006). Согласно научным исследованиям, их высший "командный состав" представляют Лондон, Нью-Йорк, Париж и Токио – ведущие глобальные центры (далее ВГЦ). Группу рангом ниже формируют Сянган, Сингапур, Лос-Анджелес, Чикаго, Милан, Франкфурт-на-Майне. В следующую категорию входят Мадрид, Сан-Паулу, Вена, Брюссель, Сеул, Москва и некоторые другие (Beaverstock, et al., 1999; Taylor, 2000–2004 и др.).

Ключевое положение глобальных городов на основных – по И. Валлерстайну (Валлерстайн, 2001; Wallerstein, 1974–1989) – аренах "коллективного действия", формирующих мировую систему, не вызывает сомнений. Другое дело, что чрезмерная увлеченность большинства западных ученых изучением различных аспектов развития главных геополитических и геоэкономических центров мира и формирования "нового урбанистического порядка" оставляет "за кадром" немало важных вопросов. Один из них – характер трансформаций в демографическом комплексе глобализирующихся городов. Повышенный интерес исследованию в этой области придают, по крайней мере, три момента. Первый из них заключается в том, что все современные процессы в глобальных центрах основаны и неразрывно связаны с повышением роли человеческого фактора, или, как сейчас чаще говорят – человеческого капитала. В силу этого большое, если не стержневое значение в исследовании глобальных городов получает антропоцентрический подход, в рамках которого центральное место занимает сопряженность социально-экономического и демографического развития. Второй момент – особая актуальность и научно-практическая значимость анализа направленности, уровня и глубины структурных сдвигов в народонаселенческом комплексе городов в условиях глобализации, определения как общих, так и расходящихся трендов. В-третьих, именно в глобальных городах, в отличие от прочих территорий, особенности состава населения и репродуктивного поведения людей формируются под воздействием

наибольшего количества демографических "сил" различного иерархического ранга – глобальных, региональных, национальных и локальных. Комплексный анализ развития народонаселения любого объекта – большая самостоятельная тема, но в определенной мере прояснить "путь" и понять особенности современной демографической ситуации в ВГЦ и глобальных городах более низкого ранга отчасти позволяет сравнительный анализ естественного движения населения в них за период 1970–2000-х гг.

Хорошо известно, что историческая эволюция мировых демографических процессов едина, на чем базируется парадигма демографического перехода – фундаментальной концепции, разработанной в 1930–1940-е годы и предполагающей существование глобального равновесия численности населения в относительно стабильной среде. Это означает, что в долгосрочной перспективе определенное количество смертей уравнивается таким же количеством рождений. Один из постулатов теории демографического перехода гласит, что в условиях модернизации, которая в значительной мере нарушает стабильность среды, неизбежным и необратимым является смена неэкономичного, "расточительного" (wasteful) режима воспроизводства населения на экономичный, "сберегающий" (conservative) режим. Точнее говоря, высокие рождаемость и смертность заменяются низкой рождаемостью и смертностью (Народонаселение, 1994, с. 109). Главные положения концепции демографического перехода можно принять как своего рода рамочные условия для оценки развития и проведения сравнительного анализа основных параметров естественного движения населения в глобальных городах.

Рождаемость

Одна из главных компонент концепции демографического перехода – исторически долгосрочная тенденция снижения уровня рождаемости в человеческом обществе. Для формирования так называемого современного типа рождаемости в первую очередь характерно сознательное регулирование рождаемости и предпочтение малодетности большому числу детей в семье. Известны многочисленные попытки научного объяснения данного явления с различных позиций. В частности, сторонники макроэкономической, или факторной концепции (Х. Лейбенштейн, Э. Коул, Б.Ц. Урланис и др.) увязывают снижение рождаемости с распространением контрацепции и абортов; микроэкономической (Г. Беккер, Р. Истерлин) – с экономической нецелесообразностью многодетности в современных условиях; микродемографической (Дж. Колдуэлл и др.) – с изменением института

семьи и т.д. Очевидно, что в той или иной степени все эти факторы образуют общий причинный фон и направленность процесса.

Глобальный и неуклонный процесс снижения уровня рождаемости, несмотря на определенные и даже существенные различия между регионами и странами, подтверждают результаты многих исследований и данные международной статистики. За 1970–2005 гг. в целом по миру он снизился почти на 1/3 (с 30,9 до 21,1‰), а в развивающихся странах – с 36,3 до 23,5‰. В экономически наиболее развитых государствах общий коэффициент рождаемости в настоящее время составляет около 11,1‰. Хотя, следует отметить, что внутри этой группы стран процесс протекает с разной интенсивностью. Например, в США уровень рождаемости в последние десятилетия остается достаточно стабильным и несколько выше усредненной величины, во Франции и Великобритании также выше, но плавно снижается. Напротив, Германия уже давно захватила "мировое лидерство" по неблагоприятию демографической обстановки и отличается экстремально низкими параметрами рождаемости (8,7‰ в 2005 г.). С ней на равных "конкурирует" Япония, где за последние тридцать лет уровень рождаемости упал более чем вдвое – с 18,8 до 8,4‰ (World population prospects..., 2007).

Процесс сокращения рождаемости закономерен как для сельской местности, так и для урбанизированных ареалов. Традиционно специалисты считали, что понижающее воздействие на репродуктивное поведение людей оказывает прежде всего городская и особенно крупногородская среда (Урбанизация и развитие городов..., 1985; Деведжиев, 1989 и др.). Действительно, в агломерациях развивающихся стран уровень рождаемости к настоящему времени заметно ниже, чем в сельской местности. Например, в среднем по Бразилии он составляет 20,9‰, а в Сан-Паулу – 16,6‰, в Аргентине – 18,9‰, а в ядре агломерации Буэнос-Айреса – 13,9‰. Но вот в экономически наиболее развитых государствах во многих крупных городах современный уровень рождаемости выше, чем усредненные национальные показатели. Даже в Мюнхене и Франкфурте-на-Майне, считавшимися в период новейшей истории классическими образчиками депопуляции, он больше, чем в среднем в Германии (соответственно 10,4 и 10,2‰ в 2005 г.) (<http://www.sao-paulo.com/>; <http://www.indec.mecon.ar/>; Statistisches Jahrbuch..., 2008). Иными словами, это означает, что здесь глобальный процесс снижения рождаемости более выражен вне крупногородских пространств, и тезис об однозначно негативном влиянии городской среды на эту функцию в условиях постиндустриальных тенденций становится, если не ошибочным, то, по крайней мере, спорным.

В настоящее время в подавляющем большинстве крупных агломераций мира уровень рождаемости колеблется в средних пределах

10–16‰ (табл. 1), при этом все еще наблюдается почти двукратное расхождение крайних значений. На одном полюсе – более 16‰ – находятся многие города развивающихся стран, например, Латинской Америки, а на другом – менее 10‰ – ряд центров Европы, включая Москву¹, и достаточно неожиданно города Азии – главного мирового полюса демографического роста. Однако важно подчеркнуть, что разброс значений уровня рождаемости в крупнейших мегаполисах мира сильно сократился за последние четверть века и продолжает снижаться. Если в 1970-е годы, согласно выборке по двадцати городам, показатель статистической дисперсии для этого показателя составлял 41,4, то в 2000-е годы – уже только 7,7. Понятно, что такое нивелирование – плод определенной дихотомии в динамике режима рождаемости, прежде всего за счет нисходящего тренда в городах развивающихся стран.

Таблица 1. – Группировка некоторых глобальных городов по уровню рождаемости, середина 2000-х годов

Категории	Уровень рождаемости, ‰			
	Менее 10	10–13	13–16	Более 16
Мир, регионы		Развитые страны (11,1)		Развивающиеся страны (23,5); мир (21,1)
Глобальные города	Берлин, Будапешт, Варшава, Милан, Москва, Пекин, Прага, Сянган, Токио, Шанхай	Вена, Копенгаген, Мадрид, Мюнхен, Рим, Сан-Франциско, Сингапур, Франкфурт-на-Майне	Амстердам, Брюссель, Лондон, Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Сити, Париж, Сеул, Стокгольм	Буэнос-Айрес, Сан-Паулу

Составлено по: Административные округа..., 2006; Anuário Estatístico do Estado de São Paulo, 2004; Beijing Statistical Yearbook, 2007; Focus on London..., 2007; Insee. Ile-de-France..., 2006; Hong Kong Yearbook, 2006; Shanghai Statistical Yearbook, 2007; Statistisches Jahrbuch Frankfurt am Main, 2007; Summary of Vital Statistics. 2006; Tokyo Statistical Yearbook, 2007; Vital Statistics..., 2004; Yearbook of Statistics Singapore, 2006; World population prospects..., 2007 и др.

И все-таки с точки зрения динамики уровня рождаемости за последние десятилетия города существенно различаются. Большинство

¹ Уровень рождаемости в Москве составил в 2005 г. по официальным данным 8,9‰, а в 2007 г. – по оценочным – 9,7‰ [Административные округа..., 2006; О прогнозе социально-экономического развития города Москвы..., 2008].

агломераций мира относится к типу с относительно плавным его сокращением. Однако есть группа, отличающаяся очень большим градиентом – стремительным падением рождаемости в сжатые сроки (рис. 1, вариант А). В одном случае – это мегаполисы государств, испытавших в последние десятилетия мощные кризисные явления, что вызвало эффект отложенных деторождений, в другом – ряда преуспевающих в социально-экономическом отношении развивающихся стран. Так, начиная с 1980-х годов, практически вдвое уменьшился уровень рождаемости во всех столицах стран Центрально-Восточной Европы, прошедших горнило кардинальных общественно-политических и экономических преобразований (Будапешт, Варшава, Прага и т.д.). Но аналогичная ситуация наблюдается и в таких центрах азиатского региона как Сингапур, Сеул, Шанхай, Пекин. Отдельно стоит отметить, что в эту группу относится и большинство крупнейших агломераций Японии, включая Токио.

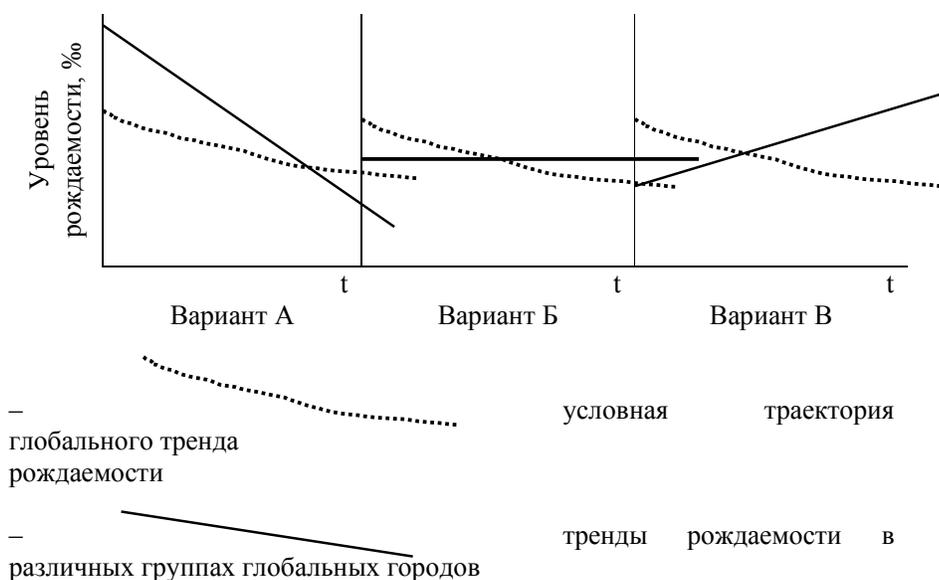

Рис. 1. – Варианты эволюции рождаемости в глобальных городах

Другой тип – с почти неизменным во времени уровнем рождаемости – представлен преимущественно городами экономически наиболее развитых стран (рис. 1, вариант Б). Он стабильно низок, например, в отдельных центрах стран Северной Европы, Италии, Германии, Австрии во главе с одним из ключевых носителей свойств типа

– Веней. Есть и третий вариант – не только с признаками «возрождения», но даже с достаточно устойчивым ростом уровня рождаемости (рис. 1, вариант В). Парадоксально, но факт, его также формируют мегаполисы экономически наиболее развитых государств. В эту группу входят города как достигшие в свое время «дна падения» в сфере деторождений и мучительно ищущие выход из ситуации, включая те же Франкфурт-на-Майне, Мюнхен и другие, так и относительно благополучные, использующие эффекты глобализации, к числу которых относятся и некоторые ВГЦ, прежде всего Лондон и Париж.

Особенности динамики рождаемости в ВГЦ отражает рисунок 2. Позицию, явно отличающуюся от общей, занимает Токио. Здесь за 1970–2005 гг. более чем вдвое уменьшилось как абсолютное число деторождений (с 229,7 тыс. до 96,5 тыс.), так и общий коэффициент рождаемости (с 20,1 до 7,8‰). Если в начале 1970-х годов уровень рождаемости в столице Японии превышал усредненные национальные показатели, то ныне стал заметно ниже. Напротив, в главном глобальном центре США за тот же период как абсолютное количество деторождений, так и их относительная величина в пересчете на 1000 жителей, остаются довольно устойчивыми. В среднем ежегодно в Нью-Йорк Сити появляется на свет около 125 тыс. новорожденных. Некоторый «всплеск» рождаемости, отмеченный в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. и связанный с общим процессом «латиноамериканизации» страны, довольно быстро сошел на нет. Важная отличительная черта столиц Великобритании и Франции в последнее время – неуклонный рост деторождений. По официальным данным национальной статистики, в 2005 г. в Лондоне оно уже достигло 115 тыс. чел. против традиционных 104–106 тыс. в 1990-х – начале 2000-х годов, а в Иль-де-Франсе – 175 тыс. соответственно против 165 тыс. Хотя, с учетом большой людности городов это пока слабо отражается в значениях общего коэффициента рождаемости. Любопытно, что к настоящему времени его величина в трех последних глобальных центрах практически идентична и составляет 15,4‰, что позволяет предполагать единство главных действующих механизмов.

Уже достаточно давно уровень рождаемости в Нью-Йорк Сити, Лондоне и Париже заметно превышает усредненные величины в своих странах. Более того, за счет его ускоренного сокращения в сельской местности разница становится все более ощутимой. Иными словами, глобальные центры все в большей мере начинают напоминать своего рода «острова в океане» пониженной рождаемости, а с учетом «массы» явления весьма существенно «тянут» за собой общенациональные параметры воспроизводства населения. Так, на долю только трех агломераций – Нью-Йорка, Лос-Анджелеса и Чикаго – ныне приходится более 15% всего числа

деторождений в США. Еще более значимое место в формировании национальной геодемографической системы занимают ВГЦ Европы. На протяжении последних десятилетий все более значительную часть деторождений в своих странах аккумулируют столицы Великобритании и Франции. Если в начале 1970-х годов на долю Лондона приходилось 12,5% всех новорожденных в туманном Альбионе, в 1991 г. – соответственно 13,4, то в 2005 г. – уже 16,0%. В хозяйственно и демографически более централизованной Франции удельный вес Иль-де-Франса по этому показателю и за тот же период увеличился с 19,1 до 22,8% (Focus on London..., 2007, p. 10; Annuaire Statistique de la France, 2005; Insee. Ile-de-France..., 2006, p. 39). С учетом всех обстоятельств, пока, вероятно, не приходится говорить о каком-либо ”демографическом прорыве”. Но анализ имеющейся фактической информации требует, по крайней мере, констатировать восходящий тренд рождаемости в пределах этих глобальных регионов.

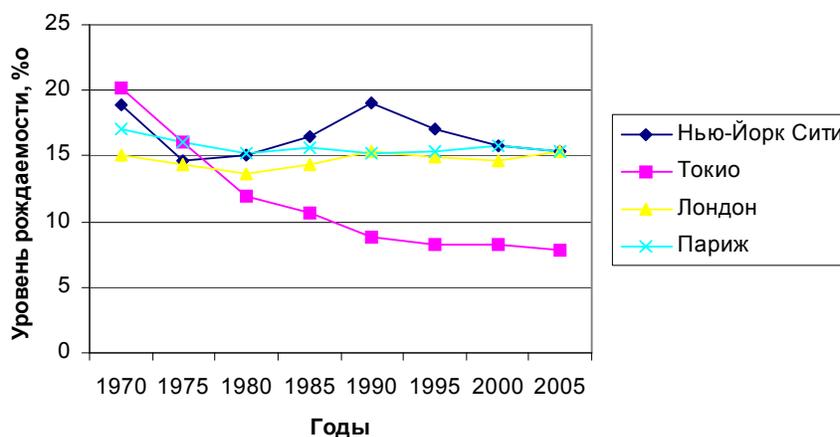

Рис. 2. – Эволюция коэффициента общего уровня рождаемости в ведущих глобальных городах, 1970–2005 гг.

Совершенно разная ситуация, сложившаяся в области рождаемости в североамериканских и европейских центрах, с одной стороны, и в столице Японии, с другой, не может быть объяснена различиями в факторах и условиях социально-экономического порядка. Они во многом равноценны. С позиций классической демографии Токио имеет даже определенные преимущества с учетом ”восточного” менталитета, традиций, повышенной устойчивости браков и особого почитания института семьи, роли мужчины и женщины в обществе, специфики его

социально-демографической стратификации и т.д. Ключ различных трендов рождаемости лежит, очевидно, в составе и источниках формирования населения, среди которых особое значение получает миграционный фактор. При очень малых объемах международной миграции и превалировании в современном японском обществе репродуктивной установки на малодетность внутренняя миграция не способна оказать сколько-нибудь существенного влияния на обновление сложившегося режима воспроизводства населения в Токио и других высокоурбанизированных ареалах страны.

В городах Северной Америки и Европы, напротив, колоссальную роль играет именно международная миграция. Прием значительных контингентов населения из развивающихся стран, во многом сохраняющих традиционную модель репродуктивного поведения, позитивно сказывается на уровне рождаемости. В целом выполняется общая закономерность – чем больше доля инородного населения, тем выше рождаемость. Причем вновь прибывающие в значительной мере заглушают эффект определенного эволюционного выравнивания рождаемости у различных этнических групп, уже достаточно давно проживающих в условиях единой городской среды. Последние по времени прибытия иммигранты – ”приверженцы” более агрессивного репродуктивного поведения, и это ”поддерживает” дифференциацию рождаемости на этнической основе.

Подобные различия хорошо отражает статистика по многим глобальным центрам, включая и Нью-Йорк Сити (табл. 2). Здесь уровень рождаемости максимален у лиц азиатского и латиноамериканского происхождения и, напротив, минимален – у белых, неиспаноязычных женщин. Это фиксирует, в частности, расчет условного коэффициента этнической локализации рождаемости, выражающего соотношение доли лиц различных этнических групп во всем женском населении и в структуре новорождений. Различия в уровне плодовитости женщин сказываются на изменении структуры деторождений по этнической принадлежности матерей. За последнюю четверть века в ней заметно увеличился удельный вес матерей ”новейшей волны иммиграции” из стран Латинской Америки и Азии, а сократился – афроамериканок. Последнее, в частности, в условиях относительно ограниченной иммиграции из стран Африки есть свидетельство процесса адаптации к местным репродуктивным поведенческим образцам.

Существует немало и иных различий, в частности, в возрастных кондициях матерей различных этнических групп. Так, латиноамериканки и афроамериканки рожают в наиболее молодых возрастах, азиатки – в более зрелых – 25–34 года, а белые, неиспаноязычные – преимущественно в самых старших возрастах В Нью-Йорк Сити в 2006 г. среди рожениц в

Таблица 2. – Изменение структуры деторождений по этнической принадлежности матерей в Нью-Йорк Сити, 1981–2006 гг.

Этнические группы матерей	Распределение рождений по этническим группам матерей, %				Уровень рождаемости на 1000 женщин, 2006 г.	УКЭЛ, 2006 г.
	Годы	1981	1990	2000		
Всего деторождений (тыс.), в том числе:	108,6	139,6	125,6	125,5	29,2	-
Испаноязычные	28,1	31,7	32,2	32,1	34,6	1,28
Азиатки	7,8	8,9	12,1	13,8	35,7	1,22
Белые, неиспаноязычные	32,7	27,9	29,4	30,5	25,6	0,78
Афроамериканки	30,8	30,7	25,9	23,2	26,5	1,04
Прочие	0,6	0,8	0,4	0,4

УКЭЛР – условный коэффициент этнической локализации рождаемости. Составлено по: Summary of vital statistics..., 1995; 2007.

возрастной категории до 20 лет более 55% составляли пуэрториканки, доминиканки, мексиканки и иные испаноговорящие, а в возрастах 40 лет и старше – более 45% – белые. Но на этом весьма неоднородном фоне совершенно очевиден единый тренд – к взрослению материнства. Он хорошо читается даже в рамках непродолжительного периода 2000-х годов. Расширение возможностей медицины, получение женщинами образования, нацеленность на трудоустройство и профессиональную карьеру, организацию гармоничной личной жизни и проведение досуга и т.д. закономерно ведут к удлинению сроков «созревания» и подготовки к выполнению женщинами детородной функции.

В целом ситуация в области рождаемости в ВГЦ выглядит позитивной и достаточно устойчивой. Исключение в этом плане составляет лишь Токио, и пример японской столицы лишний раз подчеркивает значимость фактора международной миграции. Но проведенный анализ, очевидно, был бы не совсем полон и корректен без указания на недопустимость идеализации инструмента механического движения населения как панацеи от "всех бед". При выработке как обобщающих положений, так и конкретно-практических рекомендаций следует учитывать, по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, как показывает, например, опыт углубленного исследования демографической ситуации во Франкфурте-на-Майне, долгосрочное привлечение значительных контингентов иммигрантов не смогло оказать решительного воздействия на улучшение режима воспроизводства населения. Некоторый подъем в уровне рождаемости, наблюдаемый здесь в самое последнее время, связан с активизацией выполнения материнской функции именно немками. По данным на 2006 г. в главном глобальном городе Германии на

Таблица 3. – Распределение живорождений по возрасту и этнической принадлежности матерей в Нью-Йорк Сити, 2000–2006 гг.

Возрастные категории, лет	Этнические группы матерей							
	Афроамериканки		Белые, неиспаноязычные		Испаноязычные		Азиатки и уроженки остров Тихого океана	
Распределение живорождений по возрастным группам матерей, %								
Годы	2000	2006	2000	2006	2000	2006	2000	2006
До 20	36,9	34,0	7,5	7,4	52,4	55,7	2,8	2,6
20–24	29,4	27,0	20,0	19,8	41,9	42,6	8,3	10,3
25–29	24,9	22,9	27,2	26,4	32,5	33,8	15,0	16,6
30–34	22,4	19,3	37,3	38,5	24,7	24,7	15,2	17,2
35 и более	24,4	21,0	42,0	44,0	20,9	21,3	12,3	13,4
Всего	26,3	23,2	29,4	30,5	32,2	32,2	12,1	13,8
Распределение живорождений по этнической принадлежности матерей, %								
Годы	2000	2006	2000	2006	2000	2006	2000	2006
До 20	12,1	10,2	2,2	1,7	14,0	12,0	2,0	1,3
20–24	24,5	23,9	14,8	13,4	28,4	27,3	15,0	15,3
25–29	24,3	25,8	23,7	22,6	25,8	27,4	31,8	31,3
30–34	21,7	21,4	32,4	32,5	19,6	19,7	32,1	32,0
35 и более	17,4	18,7	26,9	29,8	12,2	13,6	19,1	20,1
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

Не учтены некоторые группы смешанного этнического происхождения. Составлено по: Summary of vital statistics..., 2001; 2007.

1000 немом в фертильном возрасте приходилось 50,4 живорожденных, а уроженок других стран – лишь 35,0² (Statistisches Jahrbuch Frankfurt am Main, 2008). Во-вторых, экстенсивное наращивание привлекаемых объемов внешних миграций сопровождается, как известно из обширной научной литературы и периодики, образованием колоссального комплекса внедемографических проблем, в том числе этно-социального характера и многих других.

В результате вопрос о жесткой альтернативе – предпочтительности движения либо по пути мультинационализации и искусственного ”подогрева” роста рождаемости за счет иностранцев, либо по пути

² Любопытную пищу для размышлений дает расчет коэффициента корреляции для динамического ряда за период 1980–2006 гг. между общим уровнем рождаемости и рождаемостью на 1000 женщин в фертильном возрасте из числа местного и пришлого населения. Значение коэффициента в первом случае составляет 0,8876, а во втором – -0,3916, что однозначно указывает на определяющую роль коренных жителей Франкфурта-на-Майне в формировании уровня рождаемости.

сохранения этнической целостности населения и изыскания ”внутренних источников” для стимулирования репродуктивного поведения людей – остается открытым и, вероятно, требует поиска компромиссных решений. По всей видимости, прогнозирование развития и выработка конкретных рекомендаций требует использования индивидуального подхода на основе детальной оценки ситуации в случае каждого города.

Смертность

Процесс вымирания поколения – наряду с рождаемостью, отвечает за характер воспроизводства населения и регулирование его численности. Уровень смертности так же как и рождаемости зависит от большого числа биологических детерминант и социально-экономических факторов, включая природно-климатические, генетические, экономические, социальные, культурные, санитарно-гигиенические и т.д. Высокая смертность населения на ранних стадиях развития человеческой цивилизации (35–40‰ и более) по мере социально-экономического развития и распространения достижений медицины снижается; наиболее интенсивно – со второй половины прошлого века. За 1970–2005 гг. в целом по миру общий коэффициент смертности снизился с 13,2 до 8,8‰. Причем вектор развития задавали развивающиеся страны, где коэффициент уменьшался неуклонно и к настоящему времени достиг 8,4‰ (в 1970 г. – 14,7‰). В экономически наиболее развитых государствах тенденция имела обратную направленность. Здесь, согласно данным ООН, за тот же период уровень смертности несколько увеличился – с 9,4 до 10,2‰ (World population prospects..., 2007).

На этом фоне страны-резиденты квартета ВГЦ отличаются в лучшую сторону. Интенсивность процесса вымирания поколений в них достаточно близка, составляет около 8–10‰ и несколько ниже медианы для группы экономически наиболее развитых стран. В течение последних тридцати лет в США, Великобритании и Франции уровень смертности постепенно, но неуклонно сокращался. До середины 1980-х годов аналогичная тенденция наблюдалась и в Японии, причем процесс шел опережающими темпами. Однако в дальнейшем уровень смертности здесь стал медленно, но устойчиво увеличиваться и к 2005 г. достиг 8,6‰ (World population prospects..., 2007). Что касается исследуемых ВГЦ, то за рассматриваемый период Нью-Йорк, Лондон и Париж характеризовались опережающей скоростью снижения уровня смертности по сравнению со средненациональными показателями. В отличие от них в Токио смертность довольно быстро росла и к середине 2000-х годов практически сравнялась с усредненными по стране показателями (7,8 против 8,0‰).

Эволюцию коэффициента общего уровня смертности в ВГЦ за 1970–2005 гг. отражают графики на рисунке 3. Как очевидно, исходные

позиции, интенсивность изменений и направленность эволюции функции неоднозначны. Но несмотря на все различия как в историко-культурном генезисе и социально-экономическом развитии мегаполисов, так и в формировании их народонаселенческого комплекса, обращает на себя внимание уникальное единство схождения кривых смертности к настоящему времени в районе отметки 7,0–7,5%. Это выглядит тем более парадоксально с учетом достаточно широкой вариации показателя в крупнейших агломерациях мира, большинство из которых относится к категории глобальных.

ВГЦ формируют вполне самостоятельную группу с явно пониженным значением общего коэффициента смертности (табл. 4). Заметно лучше ситуация только в ряде азиатских центров, включая Пекин, Сянган, Сеул, Сингапур (менее 6%), что можно рассматривать как своего рода феномен "регионального типа" – синтез традиций долгожительства, природного здоровья и быстрого прогресса в социально-экономическом развитии. В эту же группу совсем недавно вошел и Лос-Анджелес, пожинающий плоды омоложения возрастного состава и снижения уровня смертности за счет миграционной волны из стран Латинской Америки. Гораздо выше уровень смертности в глобальных городах развивающихся стран (например, в Буэнос-Айресе и многих других) и в целом ряде европейских мегаполисов, включая Брюссель, Будапешт, Вену, Копенгаген, Прагу и т.д. К сожалению, в эту же категорию входит и "постперестроечная" Москва с экстремально высоким уровнем смертности (более 16‰ в середине 1990-х годов, 12,3‰ по официальным данным – в 2005 г. и 11,9 – по оценочным на 2007 г.) [О прогнозе социально-экономического развития города Москвы..., 2008].

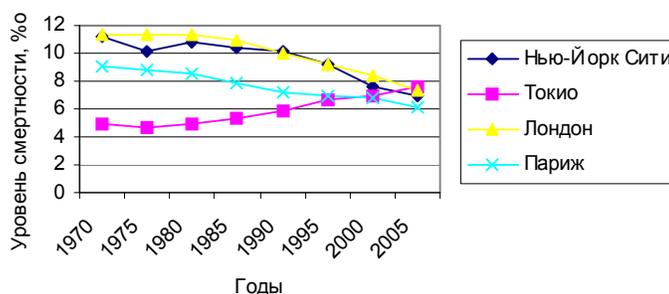

Рис. 3. – Эволюция коэффициента общего уровня смертности в ведущих глобальных городах, 1970–2005 гг.

Таблица 4. – Группировка некоторых глобальных городов по уровню смертности населения, середина 2000-х годов

Категории	Уровень смертности, ‰				
	Менее 4	4–6	6–8	8–10	Более 10
Мир, группы стран				Мир (8,8); развивающиеся страны (8,4)	Развитые страны (10,2)
Глобальные города	Сеул	Лос-Анджелес, Пекин, Сянган, Сингапур	Лондон, Мадрид, Нью-Йорк, Сиги, Париж, Сан-Паулу, Сан-Франциско, Токио, Шанхай	Амстердам, Берлин, Буэнос-Айрес, Милан, Рим, Мюнхен, Стокгольм, Франкфурт-на-Майне	Брюссель, Будапешт, Варшава, Вена, Копенгаген, Москва, Прага

Составлено по: Административные округа..., 2006; Anuário Estatístico do Estado de São Paulo, 2004; Beijing Statistical Yearbook, 2007; Focus on London..., 2007; Insee. Ile-de-France..., 2006; Hong Kong Yearbook, 2006; Shanghai Statistical Yearbook, 2007; Statistisches Jahrbuch Frankfurt am Main, 2007; Tokyo Statistical Yearbook, 2007; Yearbook of Statistics Singapore, 2006; World population prospects..., 2007 и др.

В пределах одного исторического типа смертности всегда существуют различия в режиме вымирания отдельных групп населения. Это объясняется социальной, культурной и в меньшей степени биологической неоднородностью любого населения и вытекающими отсюда различиями в воздействии факторов смертности на разные группы людей (Народонаселение, 1994, с. 452). Наиболее дифференцирующее влияние на показатель интенсивности вымирания поколений в ведущих глобальных городах, как, впрочем, и в иных территориальных образованиях, оказывают особенности возрастной структуры населения и прежде всего различная весомость самых молодых и самых старых возрастных групп.

Что касается детской смертности, то в большинстве стран мира за последнее время достигнут большой прогресс в ее снижении. Возглавляют этот процесс экономически наиболее развитые государства, в которых по сравнению с началом 1970-х годов уровень младенческой смертности уменьшился в три–четыре раза. Например, в США – с 20,0 до 6,8%, в Японии – с 13,1 до 2,8%, в Великобритании – с 17,9 до 5,0% и т.д. (табл. 5). Причем за счет повсеместного развития и роста доступности учреждений системы здравоохранения показатели слабо варьируют в территориальном плане. Уровень младенческой и детской смертности в глобальных городах и их материнских странах практически идентичен. В настоящее время из 1000 родившихся в Сингапуре и Сянгане на первом году жизни погибает только два младенца, в Токио – три, а во всех

остальных ведущих глобальных городах – менее шести. Отметим, что на этом фоне чрезвычайно негативно выглядят показатели в мегаполисах развивающихся стран, а также Москвы (более 14‰ в 1990-е годы и 9,0‰ по официальным данным на 2005 г.). Столица России находится как бы на полпути между городами развитых и развивающихся стран.

Более существенное влияние на формирование режима смертности в глобальных городах оказывает состояние "верхних этажей" возрастной структуры жителей. Как уже отмечалось, наиболее интенсивно процесс старения населения протекает в Токио. Здесь доля лиц старше 65 лет за 1970–2005 гг. увеличилась более чем втрое – с 5,1 до 18,3%. Соответственно, даже несмотря на известный культ здорового образа жизни и рост средней продолжительности жизни людей, которая в Японии и ее столице одна из самых высоких в мире, увеличиваются и показатели смертности. За этот же период ее уровень в Токио вырос с 4,9 до 7,6‰ и практически сравнялся с рождаемостью. В остальных ВГЦ ситуация более благоприятная, характеризуется нисходящим трендом. Это объясняется прежде всего повышенной интенсивностью ротации населения за счет механического движения. Особая омолаживающая роль миграции складывается в результате, с одной стороны, выезда значительной части стариков для дожития в более комфортные условия на периферию, а с другой – восполнения трудоспособных возрастов за счет иммиграции. Поддержание за счет иммиграционного фактора в городах определенного равновесия в возрастной структуре населения позитивно сказывается на эволюции общего коэффициента смертности.

Таблица 5. – Изменение уровня младенческой смертности в некоторых глобальных городах и их странах-резидентах за период 1970–2005 гг., ‰

Мир, страны, города	Годы	Уровень младенческой смертности, ‰							
		1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005
Мир		90,0	82,7	73,1	65,2	61,5	57,9	53,9	49,4
Развитые страны		21,4	18,2	14,7	12,7	10,3	8,8	7,5	7,1
США		20,0	16,1	12,6	10,6	9,2	7,6	6,9	6,8
Нью-Йорк, штат		19,6	15,8	12,5	10,7	9,5	7,6	6,3	6,0
Нью-Йорк Сити		21,6	19,3	16,1	13,4	11,6	8,8	6,7	6,0
Япония		13,1	10,0	7,5	5,5	4,6	4,3	3,2	2,8
Токио		11,5	8,9	6,7	4,9	4,2	4,4	3,5	2,7
Великобритания		17,9	16,0	12,1	9,4	7,9	6,2	5,6	5,0
Лондон		17,4	16,0	11,9	9,3	7,9	6,4	5,4	5,2
Сингапур		20,5	13,9	8,0	7,6	6,6	3,8	2,5	2,1
Россия		23,0	23,7	22,1	20,7	17,4	18,1	15,3	11,0
Москва		21,0	...	23,7	...	16,8	15,5	10,9	9,0

Составлено по: Административные округа..., 2006, с. 31; Демографический ежегодник России, 2007; Focus on London..., 2007; Summary of vital statistics..., 2007; Tokyo Statistical Yearbook, 2006; Yearbook of Statistics Singapore, 2007; World population prospects..., 2007 и др.

Дифференцирующее воздействие на характеристики смертности в городах оказывает и этнический состав жителей. Это наглядно иллюстрирует пример по Нью-Йорк Сити (табл. 6). Сопоставление уровня смертности и средней ожидаемой продолжительности жизни населения по отдельным этническим группам свидетельствует, что средней по городу соответствуют данные только для афроамериканцев. В случае же остальных групп типичны очень существенные отклонения. Так, белое, неиспанское население отличается максимальными значениями показателей как средней продолжительности жизни, так и уровня общей смертности. Напротив, у лиц латиноамериканского и азиатского происхождения уровень смертности почти вдвое ниже средней по мегаполису. При этом у испаноязычного населения существенно меньше средняя продолжительность жизни, а у выходцев из стран Азии – минимальны различия в продолжительности жизни у мужчин и женщин. Все эти нюансы, безусловно, накладывают определенный отпечаток на формирование не только итоговых параметров смертности, но и всей геодемографической обстановки.

Большое практическое значение имеет анализ эволюции совокупной структуры непосредственных причин смерти в глобальных городах. По мере роста уровня социально-экономического развития количество смертей, обусловленных экзогенными факторами, в них – как, впрочем, и в целом по миру – заметно уменьшается. Например, если в начале 1980-х годов в Токио на них приходилось 6,4% всех смертей, то в 2003 г. – 6,1%, в Нью-Йорк Сити – соответственно 4,8 и 4,2%. За последние десятилетия здесь наблюдается резкое сокращение количества смертей от насильственных действий (убийств), плавное уменьшение их числа в результате дорожно-транспортных происшествий и самоубийств. Наименее прогнозируемой остается динамика смерти людей из-за несчастных случаев (рис. 4, вариант Б). Конечно, как отмечают специалисты, полностью искоренить группу экзогенных причин смертности вряд ли удастся. Определенные ограничения в этом плане привносят различные аспекты общественного развития – бедность, бытовой и производственный травматизм, загрязнение окружающей среды, сверхинтенсивный ритм жизни в больших городах и т.д. В последнее время именно в глобальных центрах как аванпостах процесса глобализации наиболее острое проявление и фиксацию в структуре экзогенных причин смертности получает рост социальной напряженности, конфликтности на этнической почве, а также печальный факт развития международного терроризма.

Эндогенные факторы, безусловно, господствуют среди причин смертности населения. Согласно принятой Международной классификации болезней, явно доминируют две группы причин смерти –

Таблица 6. – Средняя продолжительность жизни, уровень и причины смертности населения по этническим группам в Нью-Йорк Сити, 2003 г.

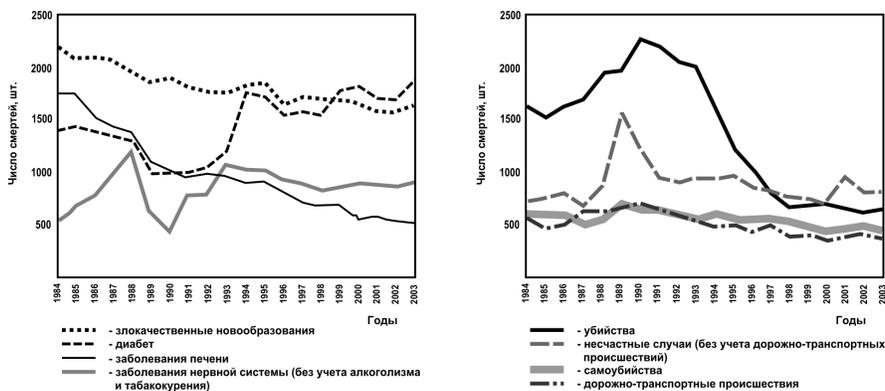
Показатели	Население всего, том числе:									
	Этнические группы									
	Испано-язычное		Белое, неиспанское		Афро-американцы		Азиатское			
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Средняя продолжительность жизни, лет	66,8	74,7	59,4	68,5	72,2	79,4	60,7	68,7	66,7	71,8
Уровень общей смертности, ‰	7,5	7,3	4,5	3,7	10,3	10,9	7,7	7,0	3,5	2,7
Основные причины смерти, %										
Заболевания сердца	37,0	43,4	27,2	34,3	44,0	49,4	30,6	36,8	31,6	35,3
Заболевания сосудов	2,8	3,5	3,1	3,7	2,3	3,0	3,1	4,1	5,1	6,4
Злокачественные новообразования	23,3	23,4	20,4	21,9	24,8	24,0	21,5	22,7	29,8	27,2
Инфлюэнца и пневмония	4,2	4,8	3,7	5,5	4,6	5,0	3,6	4,2	5,3	4,5
Хронические респираторные заболевания	2,9	2,8	2,8	2,9	2,9	3,0	2,9	2,3	2,8	2,1
Диабет	3,0	3,3	4,0	5,3	3,5	4,5	3,7	5,3	3,5	4,5
Прочие	26,8	18,8	38,8	26,4	17,9	11,1	34,6	24,6	21,9	20,0

Составлено по: Summary of vital statistics..., 1995; 2003, pp. 5; 8–11.

злокачественные новообразования и болезни системы кровообращения. В большинстве глобальных центров, как свидетельствует статистика, на них приходится до 60–70% всех смертельных исходов. Далеко на вторых ролях остаются инфекционные и паразитарные болезни, борьба с которыми заняла у человеческой цивилизации не одно столетие, заболевания нервной и пищеварительной систем, органов дыхания и т.д. Общую эволюцию смертности по ряду эндогенных причин за период 1980–2000-х гг. наглядно иллюстрирует пример Нью-Йорк Сити (рис. 4, вариант А).

Но надо признать, что общий вес и соотношение двух главных групп причин смерти людей отчасти регулируются региональными, генетическими и гендерными факторами. Так, в азиатских глобальных центрах удельный вес этих двух групп в структуре причин смерти относительно понижен, а их соотношение практически равновелико.

Напротив, в мегаполисах Европы и особенно США их суммарная доля несколько больше, но зато явно меньше смертей от злокачественных новообразований. Дифференциация в соотношении причин смертности – даже в условиях пребывания и развития населения в единой городской среде – наблюдается и в различных по этническому происхождению группах. Например, в Нью-Йорк Сити среди белого населения практически половина летальных исходов определяется заболеваниями сердечно-сосудистой системы, а среди выходцев из стран Азии, особенно лиц мужского пола, очень высок уровень смертности от злокачественных новообразований (см. табл. 6).

А. Эндогенные причины смерти Б. Экзогенные причины смерти
 Рис. 4. – Эволюция числа умерших от некоторых экзо- и эндогенных причин в Нью-Йорк Сити, 1984–2003 гг.

Как специфическую причину в развитии смертности в глобальных городах, специфический фактор "уязвимости" перспективного демографического развития надо назвать колоссальную концентрацию, "скученность" населения на ограниченной территории и высокую контактность среды, что уже само по себе таит повышенный потенциал для быстрого распространения различных заболеваний. На данном этапе эта проблема решается путем развития медицинской помощи и системы санитарно-гигиенических и профилактических мероприятий. Другой момент заключается в том, что определенную гипотетическую, а иногда и реальную угрозу, несет в себе факт приема значительных масс иммигрантов, в основном из развивающихся стран. Полная проверка качества их здоровья зачастую не представляется возможной. С этими обстоятельствами, в частности, тесно связано первоочередное распространение в глобальных городах, по определению журналистов, "чумы XX века" – СПИДа, возникновение в них паники при выявлении случаев атипичной пневмонии в КНР и т.д.

В целом положение в области смертности в ВГЦ характеризуется к настоящему времени достаточно большим сходством. На фоне многих территориальных образований других рангов они выделяются в лучшую сторону. С учетом сложившихся тенденций и наличия определенных, еще не исчерпанных резервов по снижению общей и особенно детской смертности, заболеваемости населения, в том числе с летальным исходом, увеличению реальной продолжительности жизни людей и т.д. в большинстве случаев можно прогнозировать оптимистичный сценарий развития в этой части режима воспроизводства населения.

Естественный прирост (убыль) населения

В общей схеме демографического перехода эволюция рождаемости и смертности в ретроспективе измеряется сходящимися функциями и в перспективе стремится к фазе стабильного населения. Последнее соответствует равенству двух показателей в районе отметки 13,4‰ с нулевым ростом численности населения. На этом историческом "столбовом" пути к настоящему времени в странах мира представлена широчайшая гамма вариантов. Часть из них находится на начальных фазах демографического перехода, часть – на промежуточных этапах, часть – его завершает. Только по крупнейшим группам стран разброс относительных значений режима воспроизводства населения достигает колоссальной величины. По оценкам экспертов ООН, в среднем по миру уровень естественного прироста населения в 2005 г. составлял 12,3‰, но при этом в развивающихся странах – 15,1‰, а в экономически наиболее развитых государствах – лишь 0,9‰ (World population prospects..., 2007).

Не менее мозаична картина и среди крупнейших агломераций планеты (табл. 7). В самом общем виде поляризацию глобальных городов можно представить в виде двух принципиально различающихся групп. Первую из них образуют центры с естественной убылью населения, в число которых входят Берлин, Будапешт, Варшава, Вена, Милан, Москва и т.д. Вторая, гораздо более многочисленная по составу группа формируется мегаполисами с позитивными результатами естественного движения населения. Один полюс в ней – с минимальными значениями показателя – образуют, главным образом, города стареющей Европы, а также китайские мегаполисы, "встроенные" в реалии демографической политики страны. Из числа ВГЦ сюда относится Токио. Закономерно, что лидерами второй группы – с повышенными параметрами естественного прироста – являются многие центры развивающихся стран. Парадоксально, но факт – в ее "головной" состав входят также такие глобальные города как Нью-Йорк и Лондон, а Лос-Анджелес и Париж ныне уже на равных конкурируют с Сан-Паулу.

Такое современное состояние – результат долговременной эволюции демографического процесса. Как видно на рисунке 5, вплоть до начала 1980-х годов во всех без исключения ВГЦ наблюдается неуклонное сокращение естественного прироста населения, при этом особенно высокими темпами – в столице Японии. Однако в дальнейшем тренды расходятся. Если в Токио снижение показателя продолжается вплоть до наших дней (0,2‰ в 2005 г.), то в остальных ВГЦ – налицо сходные и прогрессивные изменения по пути наращивания демографического потенциала. Особенно впечатляют данные по Лондону, где современные значения естественного прироста населения почти вчетверо превосходят

Таблица 7. – Группировка некоторых глобальных городов по показателям естественного движения населения, середина 2000-х годов

Категории	Уровень естественного прироста/убыли населения, ‰				
	Убыль	Прирост			
		0–3	3–6	6–9	Более 9
Мир, группы стран		Развитые страны (0,9)			Развивающиеся страны (15,1); мир (12,3)
Глобальные города	Берлин, Будапешт, Варшава, Вена, Милан, Москва, Прага	Мюнхен, Пекин, Рим, Токио, Франкфурт-на-Майне, Шанхай	Амстердам, Брюссель, Мадрид, Сан-Франциско, Сингапур, Стокгольм, Сянган	Буэнос-Айрес, Лондон, Нью-Йорк Сити, Париж, Сеул	Лос-Анджелес, Париж, Сан-Паулу

Составлено по: Административные округа..., 2006; Anuário Estatístico do Estado de São Paulo, 2004; Beijing Statistical Yearbook, 2007; Focus on London..., 2007; Insee. Ile-de-France..., 2006; Hong Kong Yearbook, 2006; Shanghai Statistical Yearbook, 2007; Statistisches Jahrbuch Frankfurt am Main, 2007; Summary of Vital Statistics..., 2007; Tokyo Statistical Yearbook, 2007; Vital Statistics..., 2004; Yearbook of Statistics Singapore, 2006; World population prospects..., 2007 и др.

нижний экстремум 1980-х годов (8,1 против 2,2‰). Характер кривых на рисунке оставляет впечатление, что европейские и североамериканские центры успели своевременно ”вписаться” в поворот на крутой дороге, а Токио – его ”проскочил” и продолжает скольжение вниз, хотя и с меньшей скоростью, начиная с середины 1990-х годов.

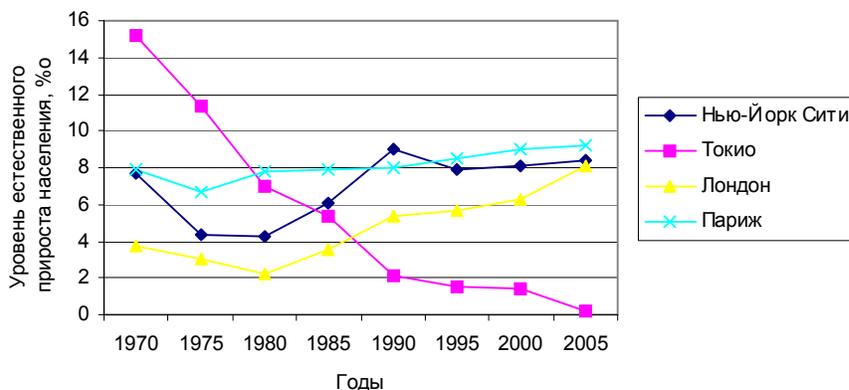

Рис. 5. – Эволюция естественного прироста населения в ведущих глобальных городах, 1970–2005 гг.

Совершенно очевидно, что подобные флуктуации за последние тридцать пять лет теснейшим образом связаны с запуском в свое время механизма международной миграции. Серьезное обновление и омоложение состава населения в ВГЦ Европы и США, если оставить за скобками негативные "побочные" явления, положительно отразились на изменении ранее сложившегося характера воспроизводства населения. А опыт японской столицы со всей очевидностью иллюстрирует судьбу крупнейшей агломерации, оказавшейся "на обочине" потоков международной миграции. Отметим, что данная проблема носит в Японии общенациональный характер. Соображения о привлечении дополнительной иностранной рабочей силы, ее "плюсы" и "минусы" неоднократно в том или ином виде рассматривались на государственном уровне, хотя, согласно социологическим исследованиям, общественное мнение относится к подобной идее крайне негативно (The Economist...). Пока вопрос не получил должного практического воплощения. Известны лишь попытки решения "частного порядка", включая, например, реализацию официальной национальной программы по расширенному привлечению для обучения в местных вузах, в том числе на льготных условиях, молодежи из других стран.

При сопоставлении показателей естественного движения населения глобальных центров и их материнских стран обнаруживается неординарная с точки зрения классики ситуация. Города выделяются, и все в большей мере специализируются на выполнении функции национальной "колыбели" демографического благополучия. За рассматриваемый период, например, в Большом Париже уровень естественного прироста населения рос опережающими темпами и к настоящему моменту существенно превышает общефранцузские показатели (9,2 против 4,1‰ в 2005 г.). В результате Иль-де-Франс ныне обеспечивает более 2/5 всего естественного прироста в стране (около 1/4 в 1970-е годы) [Insee. Ile-de-France..., 2006]. Еще более впечатляет ситуация в Лондоне. По сравнению с 1970-ми годами его удельный вес в совокупном балансе естественного движения населения Великобритании многократно увеличился и в последние десятилетия регулярно составляет около или более 50% (например, в 2003 г. даже 70,5%) [Focus on London..., 2007, p. 5]. Правда, справедливости ради, отметим, что во внеевропейских странах роль глобальных городов выглядит скромнее. Например, на долю Большого Нью-Йорка в настоящее время приходится около 7% всего естественного прироста населения в США, а на Токио – примерно 1/10 – в Японии (Japan Statistical Yearbook, 2007; Statistical Abstract..., 2007).

Но так или иначе приведенные данные свидетельствуют о формировании в современной истории новой миссии глобальных городских регионов. Они во многом перехватили традиционную роль

сельской местности в качестве главного полигона в воспроизводстве населения. Причины и объяснения такого явления следует искать, конечно, в быстро меняющемся облике и содержании аграрных территорий, но с другой стороны – и в сложившемся характере миграционных потоков. Причем на современном этапе глобальные города – это не только центры притяжения входящих потоков. Ведь, несмотря на аккумуляцию значительной части естественного прироста населения удельный вес мегаполисов в национальной системе расселения меняется незначительно. Относительно медленный рост абсолютной численности населения глобальных городов очевиден. Такой консерватизм может быть объяснен только наличием мощных не только входящих, но и исходящих миграционных потоков.

Понятно, что один и тот же уровень естественного движения населения может реализовываться при различном соотношении параметров рождаемости и смертности. Своего рода экстремальный вариант – формирование людности в условиях одновременно очень низких показателей рождаемости и смертности – представляют азиатские города, включая Сянган, Пекин и тяготеющие к ним Шанхай, Сингапур, Токио и ряд других центров (табл. 8). Его антипод – с высокими параметрами как рождаемости, так и смертности – не типичен для истинно глобальных центров, впрочем, как и модель с повышенной рождаемостью и низкой смертностью. А вот образчиком диаметрально противоположного соотношения

Таблица 8. – Группировка глобальных городов различного ранга по уровню рождаемости и смертности населения, середина 2000-х годов

Категории			Уровень рождаемости, ‰				
			Низкий	Средний		Высокий	
				Низкий	Высокий		
			Менее 10	10–13	13–16	Более 16	
Уровень смертности, ‰	Низкий	Менее 6	Сянган, Пекин	Сингапур	Лос-Анджелес, Сеул	-	
			Токио, Шанхай	Мадрид, Сан-Франциско	Лондон, Нью-Йорк Сити, Париж	Сан-Паулу	
	Средний	Низкий	6–8	Берлин, Милан	Мюнхен, Рим, Франкфурт-на-Майне	Амстердам, Стокгольм	Буэнос-Айрес
			Высокий	8–10	Будапешт, Варшава, Москва, Прага	Вена, Копенгаген	Брюссель
Высокий	Более 10						

Составлено по данным таблиц 1 и 4.

уверенно и уже давно служит Москва, вкупе со столицами постсоциалистических стран Центрально-Восточной Европы.

При всем разнообразии формирования современной демографической ситуации в глобальных городах представляется закономерным, что основная их часть входит в состав условной медианной группы с относительно усредненными параметрами режима естественного воспроизводства населения. К ней относятся и ВГЦ Европы и США – Лондон, Нью-Йорк и Париж. Более того, в ”медианной” группе они образуют единую подгруппу с достаточно ”комфортными” параметрами – относительно повышенным уровнем рождаемости (13–16‰) и пониженным – смертности (6–8‰). Специфика ситуации в этой подгруппе особенно наглядна при сопоставлении с общестрановыми и общемировыми тенденциями.

Вообще с позиций классических представлений на четвертой, заключительной фазе демографического перехода должно наблюдаться постепенное и плавное схождение значений двух функций – за счет падения рождаемости и роста смертности – и стабилизация их развития. Однако проверка временем этой гипотезы дает все новые нюансы. Действительно, как показывает опыт, например, европейского континента, в начале 1990-х годов произошла ”встреча” кривых рождаемости и смертности населения, хотя и в точке ниже теоретической отметки стабильного населения (рис. 6). Но с тех пор и вопреки теории они продолжают прежнее ”движение”, не изменяя направления. Вплоть до настоящего момента рождаемость в Европе неуклонно снижалась и достигла к 2005 г. 10,2‰, а смертность – росла и ныне составляет 11,6‰ (World population prospects..., 2007). Таким образом, при отсутствии восполнения людских ресурсов за счет миграций из других регионов угроза депопуляции вполне реальна. В то же время, следует отметить, что если концепция демографического перехода работоспособна, то у Европы впереди предположительно должна быть фаза ”воспроизводственного разворота”, или иными словами, прохождения своего рода ”мертвой петли”, когда опять величины рождаемости и смертности, по крайней мере, начнут сходиться до достижения теоретического равновесия.

На этом фоне демографическая обстановка в ВГЦ за исключением Токио, следующего в кильватере общенациональных тенденций, складывается уникальная. Конец 1970-х – начало 1980-х годов ознаменовал переломный рубеж в развитии их народонаселенческого комплекса. Кривые рождаемости и смертности изменили направленность вектора от схождения к расхождению, и зазор между ними – величина естественного прироста населения – стал неуклонно увеличиваться. Главную роль в этом играет параметр смертности. Если в Нью-Йорке, Лондоне и Париже значения общего коэффициента рождаемости в 1975 г.

и в 2005 г. остаются практически одинаковыми или чуть больше, то уровень смертности за этот же период сократился в среднем на одну треть. В результате, понимая, конечно, всю условность трактовки, но, опираясь на анализ сложившейся динамики основных функций режима воспроизводства населения, эти три глобальных города можно рассматривать как своего рода анклав первой фазы демографического перехода, в течение которой по определению снижение коэффициента смертности опережает снижение коэффициента рождаемости. Подобный феномен, с нашей точки зрения, наиболее точно отразит специальный термин – ревитализация (от лат. *re* – приставка, указывающая на повторное, возобновляемое действие и *vita* – жизнь), который буквально можно толковать как ”возвращение жизни”.

Факт наличия этого процесса не только в ВГЦ, но и во многих глобальных городах более низкого ранга подтверждается эмпирически и неоспорим. Анализ позволяет говорить не о единичности случая, а о закономерном и своего рода ”эпохальном” явлении.

Заключение

Поиск ответа о причинах возникновения феномена ревитализации, безусловно, надо увязать с общим высоким уровнем социально-экономического развития рассматриваемых мегаполисов, включая прежде всего систему здравоохранения, достижения которой оказывают особое влияние на снижение смертности людей. Но еще более фундаментальный аргумент – оздоравливающий эффект миграционного движения населения и особенно развитие в условиях глобализации его международной составляющей.

В данном контексте заслуживает особо пристального внимания и несколько иной аспект. Дело в том, что в соответствии с одной из гипотез демографического перехода, основанной на значимости действия внеэкономических факторов, предполагается, что по достижении определенных пороговых величин в уровне социально-экономического развития, с одной стороны, зрелости ”средовой оболочки” территорий и городов, а с другой – благосостояния людей существенно меняются запросы и стремления большинства населения. В ”организации” нового типа режима воспроизводства населения особую роль начинают играть факторы прежде всего социо-культурного и психологического плана, факторы формирования новых поведенческих стереотипов людей и ценностных ориентаций, часто называемых ”постматериальными”. По всей видимости, именно глобальные города в силу своих лидирующих качеств оказались наиболее восприимчивыми к действию этих факторов и ”реагируют” трансформациями демографических реалий, включая

реформирование типа брачных отношений, статуса и назначения семьи, тренда к увеличению средней продолжительности жизни, прогрессивному позиционированию индивидуумов относительно условий, времени и количества деторождений и многие другие аспекты. Совершенно очевидно, что дальнейшее исследование механизмов ревитализации, в том числе силами географической науки, имеет исключительное значение как для общего понимания направления развития народонаселенческого комплекса в крупных городах, так и для выработки практических шагов и рекомендаций по возможному оздоровлению в них демографической обстановки.

ЛИТЕРАТУРА

- Административные округа г. Москвы. Статистический сборник. М., 1991–2006.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. 2001.
- Демографический ежегодник России. М., 2007.
- Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994.
- О прогнозе социально-экономического развития города Москвы до 2012 года. Постановление Правительства Москвы № 640-ПП от 22 июля 2008 г. М., 2008.
- Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М., 2005.
- Урбанизация и развитие городов в СССР. Л., 1985.
- Грчић М., Слука Н. Глобални градови. Београд, 2006.
- Деведжиев М. Геодемография. София, 1989.
- Annuaire Statistique de la France. 2005. Vol. 108. P., 2005.
- Anuário Estatístico do Estado de São Paulo 2002. São Paulo, 2004.
- Beaverstock J., Smith R., Taylor P. A roster of world cities // GaWC Research Bulletin. 1999. № 5.
- Beijing Statistical Yearbook. 2007. Beijing, 2007.
- Focus on London. L., 2001–2008.
- Grčić M., Ratkaj I., Sluka N. The Global System of Oligopolises. In «Metropolitan Networking in CADSES». Ed. by B. Stojkov. Belgrade, 2006.
- Insee. Ile-de-France. Faits et chiffres. 2006. № 137.
- Japan Statistical Yearbook. Tokyo, 2001–2007.
- Shanghai Statistical Yearbook. 2007. Shanghai, 2007.
- Statistical Abstract of the United States. N.Y., 2001–2007.
- Statistisches Jahrbuch 2007 für die BRD. Stuttgart, 2008.
- Statistisches Jahrbuch Frankfurt am Main, 2007. Frankfurt am Main, 2008.
- Summary of Vital Statistics. The City of New York. N.Y., 1995–2007.
- Taylor P. World City Network: a Global Urban Analysis. L., 2004.
- Taylor P. World cities and territorial states under conditions of contemporary globalisation // Political Geography. 2000. № 19.
- Taylor P., Catalano G., Gane N. A geography of global change: cities and services, 2000–2001 // GaWC Research Bulletin. 2002. № 77.
- Taylor P., Walker D., Catalano G., Hoyler M. Diversity and power in the world city network // Cities. 2002. № 19 (4). P. 231–241.

The Economist, 10.11.2005.
Tokyo Statistical Yearbook. Т., 2000–2007.
Vital Statistics of New York State. Annual Report. N.Y., 2002–2007.
Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. I–III. Academic Press, 1974–1989.
World Population Prospects. U.N., N.Y., 1992–2007.
Yearbook of Hong Kong. Hong Kong, 2001–2007.
Yearbook of Statistics Singapore. Singapore, 2000–2008.

Николај А. Слука

ПРОБЛЕМИ РЕВИТАЛИЗАЦИЈЕ ВОДЕЋИХ ГЛОБАЛНИХ ГРАДОВА

Резиме

Кључни положај глобалних градова на основним аренама – по И. Валерштајну - ”колективне акције”, које формирају светски систем, не изазива сумњу. У светској литератури до сада су већином истраживани различити аспекти развоја главних геополитичких и геоекономских центара света и формирања ”новог урбанистичког поретка”, али су нека важна питања остала нерасветљена. Једно од њих је карактер трансформације у демографском комплексу глобализованих градова. Повећани интерес за истраживања у тој области проистичу из три момента. Први од њих састоји се у томе, да су сви савремени процеси у глобалним центрима базирани и нераскидиво повезани с повећањем улоге људског фактора, или, како данас чешће говоре – људског капитала. Услед тога велики, ако не кључни значај у истраживању глобалних градова добија антропоцентрични приступ у оквиру којег централно место заузима спрега социјално-економског и демографског развоја. Други момент је посебна актуелност и научно-практични значај анализе усмерености, нивоа и дубине структурних промена у демографском комплексу градова у условима глобализације, дефинисања како општих, тако и дивергентних трендова. Треће, баш у глобалним градовима, за разлику од осталих територија, формирају се особености састава становништва и репродуктивног понашања људи под утицајем демографских ”сила” различитог хијерархијског ранга – глобалних, регионалних, националних и комплексних.

Комплексна анализа развоја становништва сваког објекта је велика самостална тема. Овај рад расветљава ”пут” и објашњава особености савремене демографске ситуације у водећим глобалним центрима (ВГЦ) и глобалним градовима нижег ранга на бази упоредне анализе природног кретања становништва у њима за период 1970–2000-х година.